

Эра Ершова

**в глубине
души**

Эра Ершова
В глубине души (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ершова Э.

В глубине души (сборник) / Э. Ершова — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-99107-5

Вплоть до окончания войны юная Лизхен, работавшая на почте, спасала односельчан от самих себя – уничтожала доносы. Кто-то жаловался на неуплату налогов, кто-то – на неблагожелательные высказывания в адрес властей. Дядя Пауль доносил полиции о том, что в соседнем доме вдова прячет умственно отсталого сына, хотя по законам рейха все идиоты должны подлежать уничтожению. Под мельницей образовалось целое кладбище конвертов. Для чего люди делали это? Никто не требовал такой животной покорности системе, особенно здесь, в глуши. Шли годы. Для строительства магистрали требовалось снести мельницу. Тут-то и открылось тайное кладбище... В повести «В глубине души», как и в других повестях и рассказах Эры Ершовой, вошедших в книгу, исследуется человеческая душа. Автор поражается тому, как однообразно и непритязательно добро в человеке и как прихотливо и изобретательно зло.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99107-5

© Ершова Э., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Чудны дела твои...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

в глубине души

Эра Ершова В глубине души [сборник]

Посвящается Вере Глаголевой

Чудны дела твои...

На юбилей свадьбы Антон преподнес Изабелле царский подарок в виде котенка.

Котенок этот был помещен в корзинку на бархатную подушку, но вертелся, царапался и изо всех сил старался выбраться из бархатного плена. А вел он себя так потому, что в силу младенческого возраста не имел ни малейшего понятия о своем нешуточном происхождении.

Дело в том, что в вопросе выбора подарка Антон поступил привычным образом.

Он сел к компьютеру и набрал в «Гугле» «самые дорогие кошки в мире». Антон всегда покупал все самое дорогое и в данном случае не собирался делать исключение.

Но на такую удачу не мог рассчитывать даже он.

Первым же номером в списке ссылок появилась кошка такой красоты, что у Антона перехватило дыхание.

Называлось это чудо *саванна*. Происхождением оно было обязано причудливой фантазии человека, которому вздумалось скрестить леопарда с обычным домашним котом.

В результате этой фантазии на свет появилось животное, стоимость которого несколько превосходила стоимость слитка золота такого же размера. И это радовало. Не мог же Антон подарить супруге дешевку!

Когда Изабелла впервые увидела это крошечное, но чрезвычайно подвижное существо, в ее душе что-то сдвинулось.

Там как будто открылось небольшое отверстие, через которое медленно стала уходить накопившаяся годами горечь от неудавшейся жизни. Изабелла вдруг почувствовала необычайную легкость во всем теле, и любовь, которую ей пришлось похоронить заживо, вырвалась из плена и заполонила собой все.

Она встала на колени перед корзинкой с подарком и, прислонившись к котенку щекой, в первый раз за много лет улыбнулась.

И страшнее этой улыбки трудно было себе что-либо представить. Прекрасное лицо Изабеллы перекосилось, обнажив с правой стороны великолепные белые зубы, в то время как левая сторона оставалась мертвой, неподвижной. Изабелла подняла дивные глаза на мужа и, увидав на его лице брезгливую гримасу, заплакала.

...Это несчастье случилось с ней много лет назад, накануне свадьбы.

Ничто тогда не предвещало беды. Юность ее была лучезарна, жизнь открывала свои объятия и манила предвкушением чего-то неизведанного, волшебного.

Изабелла была так хороша, что иногда, остановившись перед зеркалом, она смотрела на себя с изумлением.

И действительно было чему удивляться.

Природа редко доходит в своих творениях до такого совершенства, каким выросла Изабелла – нежнейшее создание с лицом настолько необычайной красоты, что временами оно казалось призрачным, нереальным.

Все в этой девочке было вышито тонкими нитками, ничего грубого, приземленного.

И таким необыкновенным явлением не замедлил заинтересоваться один из самых видных женихов Москвы. Антон увидел Изабеллу из окна своего бронированного автомобиля. Его поразило, с какой нерешительностью она пытается перейти дорогу, как неуверенно трогает ногой проезжую часть, будто собирается войти в воду.

– Останови! – крикнул он водителю, который промчался через зебру, не обращая внимания на пешеходов.

По первому сигналу хозяина водитель ударил по тормозам. Автомобиль, как вкопанный, встал посреди дороги.

Следом за ним, на расстоянии метра, затормозила машина охраны. Недолго думая, Антон выскочил на проезжую часть и, лавируя между гудящими автомобилями, помчался навстречу судьбе. Перед ним, пытаясь остановить движение, неслась встревоженная охрана.

Конечно, случай невероятный. Где это видано, чтобы мужчина такого ранга бегал по улицам за какими-то девицами!

Но в том-то и дело, что Антон был человеком незаурядным и часто совершал поступки, не поддающиеся никакой логике. Ну что ж, средств у него хватало на любые безрассудства. Он был единственным сыном и наследником губернатора области.

Правда, область эта была не бог весть что – маленькая, захудалая, и доходов с нее едва хватало, чтобы прокормить семью губернатора. На население области не оставалось ничего. Ну совсем ничего!

Население это было, можно прямо сказать, нищим. И от этой бедности с ним постоянно случались всякие неприятности в виде природных катаклизмов и неизлечимых болезней.

Губернатор был мужиком хозяйственным и отважно боролся с многочисленными напастьми.

Но без денег что же сделаешь?

И потому, как это часто бывает на Руси, наводнения приходилось разводить руками. Он их и разводил, пожары тушил, выкручивался, как мог, – и все для того, чтобы вывести в люди свою единственную надежду и опору, Антошку.

В результате всех этих жертв и усилий из Антошки вырос человек незаурядных качеств. Получив образование в лучших университетах мира, он не захотел остаться ни в

Лондоне, ни в Нью-Йорке, ни в другой части света, где у него были роскошные дома и квартиры, а поселился в Москве, в скромном особняке, расположенном на небезызвестном направлении.

Свой выбор он объяснил тем, что деньги можно делать только в Москве. Конечно, ему было известно, что и в других странах люди зарабатывают деньги, но здесь важно понимать разницу – одно дело зарабатывать, а другое – делать. Делать можно и вправду только в Москве. И он стал на практике применять те знания, которые получил, – в результате чего область, которой управлял отец, стала еще беднее, а семья Антона – еще богаче.

Но первое обстоятельство Антона не смущало, поскольку в области этой он бывал только в раннем детстве и никогда не видел, как там люди страдают. А когда страдающих людей не видишь, то и жалости к ним откуда взяться?

Таким образом, Антон жил своей фантастической жизнью и мечтал о любви.

Да, да, он был романтиком! Деньги еще не испортили его окончательно, и в каждой женщине он пытался разглядеть что-то искреннее, настоящее, что-то такое, что отличало бы ее ото всех остальных. Но среди многочисленных московских красавиц не нашлось ни одной, в которой было бы что-то особенное. Все на одно лицо. Казалось, смахни все наносное, и от них ничего не останется.

Вот потому Антон выскочил из машины и помчался за девушкой, которая переходила дорогу.

В ее нерешительности и отрешенности он увидел то, что так долго искал. И когда девушка оглянулась на оклик, последние сомнения рассеялись, и Антон понял, что это – она.

Изабелла казалась сотканной из света. В ее глазах мог утонуть рассудок любого мужчины, но Антон был первым, и он окружил избранницу таким высоким забором любви, что через него к ее сердцу не мог пробиться ни один соперник.

Изабелла, девушка из простой семьи, отнеслась к знакомству с одним из лучших женихов России как к должному. Она как раз такого ждала и не видела в этом ничего удивительного.

После недолгих приготовлений назначили день свадьбы.

И тут произошло событие, которое в одно мгновение перевернуло все. Накануне свадьбы, примерно за неделю, Изабелла отправилась в кремлевскую поликлинику, чтобы удалить зуб мудрости.

Зуб этот ей совершенно не мешал, но врач, видимо, для того, чтобы заслужить внимание высокопоставленной пациентки, заглянув красавице в рот, произнес:

– Зуб мудрости! Зачем он вам нужен?

Изабелла не нашла что ответить на такой странный вопрос.

Зуб мудрости ей был действительно ни к чему. Ведь жила же она без него девятнадцать лет, и вдруг, нате, пожалуйста, вырос!

И десна вокруг него слегка припухла.

– Давайте-ка мы его удалим! – потирая руки, предложил врач.

И опять Изабелла не сумела возразить и согласилась на операцию.

Операция, по уверению врача, была настолько пустяшной, что Изабелла даже не воспользовалась услугами шофера, а поехала в поликлинику сама, на роскошном кабриолете, который как раз получила в подарок от жениха.

Но домой она самостоятельно вернуться не сумела, поскольку врач, чтоб у него руки отсохли, рванул зуб с такой силой, что повредил у красавицы челюстно-лицевую нерв, после чего мимика правой стороны ее прекрасного лица была безвозвратно утеряна и волшебная улыбка, которой она пленила блестящего жениха, навсегда исчезла с ее губ.

Поняв, какое горе случилось с его возлюбленной, Антон не дрогнул и не отказался от нее, как это сделало бы большинство мужчин из его окружения. Он только перенес свадьбу, чтобы дать невесте время оправиться от перенесенного шока.

Лишенное мимики, лицо Изабеллы не утратило красоты. Даже по прошествии многих лет ни одна морщина не коснулась ее прекрасного лица, но что-то жуткое было в этой застывшей маске.

Леденящую душу мертвенность излучали ее огромные, выписанные с таким тщанием глаза, и неизъяснимая обида таилась в скорбных складках ее губ.

Многие годы супруги думали, что все поправимо, ездили по лучшим клиникам мира, показывались таким специалистам, до которых простой смертный даже дотянуться не мог. Потратили на эти обследования целое состояние – все бесполезно!

Ни один врач на свете не мог помочь их беде.

И по мере того, как становилась очевидна вся безнадежность их положения, душа Изабеллы, когда-то веселая и беспечная, как птичка, все более и более приобретала сходство с лицом.

Она становилась такой же застывшей, безжизненной, мрачной. И мрачным становилось все вокруг. Даже прислуга не выдерживала подолгу в доме, из которого был изгнан смех.

Любая улыбка, любой смешок, случайно затерявшийся в лабиринте бесконечных комнат их дома, рассматривался как бестактность по отношению к хозяйке, и преступник получал строгий выговор.

Если бы у Изабеллы были дети, ей было бы легче справляться с бедой. Но дети, как известно, рождаются от любви, а любовь Антон унес к другой женщине, Алине, которая, может быть, и не была такой красавицей, но зато хохотала так, что от ее смеха звякала в шкафу посуда.

И сердце Антона тоже звякало, и жизнь вокруг Алины ходила ходуном. Она не была так прозрачна, так несбыточна, как Изабелла. Она крепко, двумя ногами, стояла на мраморном полу загородного дома, и по полу этому без усталости сновали двое близнецов, как две капли воды похожих друг на друга и на Антона.

Несколько лет Антон деликатно навещал подругу два раза в неделю. Он хоть и воспитывался в Европе, но в жилах его текла крестьянская отцовская кровь. И эта кровь диктовала свои законы. Женится – живи. Изменять – пожалуйста, но разводиться – ни-ни!

И Антон, натешившись любовью молодой энергичной женщины, честно плелся в семейный склеп. Таиться он перестал, когда на свет появились близнецы.

Здесь, уж извините, не до деликатности. Такое событие! Жену он по-прежнему не бросал, но дома появлялся редко. И общения с Изабеллой старался избегать.

Появление мужа Изабелла всегда встречала одними глазами. Глаза на ее лице были единственным живым инструментом, при помощи которого она старалась выразить чувства, передать мужу все то, что было между ними наболевшего, недосказанного.

И от этого мучительного желания диалога ее зрачки становились такими огромными, что глаза чернели, и в лице появлялось что-то мистическое, потустороннее.

– Я ее боюсь, – жаловался Антон своей возлюбленной. – Мне кажется, она превратилась в ведьму.

– Не понимаю, чего человеку надо? – охотно откликнулась возлюбленная. – Живет, как королева, ни в чем отказа не знает, и все ей не так. Вот если бы я была твоей женой...

Но такие разговоры Антон пресекал сразу.

И дело здесь было не только в его мужской порядочности. По здравом рассуждении, жена в его положении была необходима. Она занимала то самое место, на которое могли бы претендовать многие.

Мать его детей Алина не оставила бы Антона в покое, будь он холост. А так вопрос решен раз и навсегда. И это освобождало Антона от посягательств на его имущество со стороны алчущих больших капиталов московских красавиц.

Конечно, любовницу он содержал по высшему разряду. Но любовница – не жена. Она не может требовать, а может только просить. Алина просила, а Антон никогда не отказывал и чувствовал себя благодетелем.

– Женщина – она как кошка, – любил повторять Антон, – ко всему привыкает. Нужно только поласковее...

Алина по своему характеру действительно походила на кошку, которая урчит и нежится, когда ее ласкают, но каждый шаг хозяина ставит под сомнение и при всяком удобном случае норовит продемонстрировать свою независимость. Это Алина со своим кошачьим характером придумала на годовщину свадьбы подарить Изабелле котенка.

– Должна же она хоть кого-то любить! – посочувствовала она сопернице и под села к Антону за компьютер.

Котенку дали загадочное имя Гуяр, которое находилось в некотором созвучии с ягуаром.

И этот самый Гуяр с первых же дней проживания в доме сделался средоточием всех радостей и огорчений в жизни хозяйки.

Изабелла не расставалась с ним ни на минуту, для ухода за маленьким любимцем в доме появилась специальная прислуга.

По совету ветеринара, чтобы утолить охотничьи инстинкты молодого зверя, ему на ужин привозили живых лабораторных мышей, за которыми он охотился в специальном вольере.

В отличие от полевых мышей, лабораторные были стерильными и не разносили никаких инфекций.

Изабелла лично контролировала все, и постепенно, под воздействием этих неусыпных забот, ее любовь к Гуяру стала превращаться в озадачивающую окружающих страсть.

– Чего-то хозяйка наша совсем, – поговаривала обслуга. – Вчера у этой твари прихватило живот, так такой переполох поднялся, хозяин примчался и врача с собой привез. Врач-то кошачий, а откачивать ему пришлось хозяйку, она чуть инфаркт не получила.

– Эх, люди, люди, Бога не знают, – вздыхал садовник Иван Тимофеевич. – Разве ж можно из-за кота так душу рвать!

Но в жизни Изабеллы больше не было никого, из-за кого она могла бы рвать душу. Гуяр стал единственным живым доказательством того, что у нее вообще еще сохранилась какая-то душа.

И, прислушиваясь к тихим шорохам внутреннего мира, Изабелла с иступлением прижимала к себе пятнистого любимца и целовала его в сухой нос с такой страстью, что было в этом даже что-то неприличное.

Со временем из маленького комочка вырос здоровенный наглый кот, который, казалось, прекрасно знает себе цену.

Прислугу он презирал и любое движение в его сторону рассматривал как покушение на свою особу – выгибал спину, шипел и показывал крупные белые зубы, которые явно свидетельствовали о его родстве с хищником.

Надо сказать, что зверь этот обладал изворотливым умом, и по некоторым поступкам даже можно было предположить, что он владеет искусством интриги. Так, например, он научился открывать дверь холодильника, в котором хранилось свежее мясо. Украд приличный кусок, он никогда не забывал закрыть дверь обратно.

Свою добычу кот не ел, потому что был всегда сыт, а прятал ворованное под диваном в доме охранника.

За короткое время опустошив таким образом холодильник наполовину, он прекратил свою деятельность и затаился.

Когда разразился скандал, Гуяр сидел на кухне и наблюдал за происходящим с человеческим любопытством.

Кухарку обвинили в воровстве и с позором выгнали. Та плакала и клялась, что никогда ничего не брала, и если бы кто-нибудь в этот момент взглянул на морду кота, то мог бы прочесть в его глазах выражение злорадства.

Кухарка обращалась с ним грубо, ругала нехорошими словами, чего Гуяр, конечно же, понять не мог. Но тон! А однажды она обнаглела до того, что огрела его полотенцем! Теперь пусть знает, кто здесь хозяин.

Гуяра вскорости разоблачили, потому что мясо стало источать зловонный запах, но репутация кухарки была навеки погублена. Хозяева даже не извинились. Напротив, Изабелла была в восторге от хитроумной проделки любимца и долгое время только об этом и говорила.

В то время как в доме Изабеллы кипели кошачьи страсти, в вотчине ее свекра случилось очередное несчастье.

Там что-то разлилось и затопило половину области. Дома жителей оказались под водой, а сами жители с детьми, козами, гусями и курами сидели на крышах и чего-то ждали. Русский человек всегда чего-то ждет, сам не зная чего. Губернатор был в бешенстве.

– Эти идиоты, – кричал он, – держатся за свои лачуги, как безумные! Я сколько раз посылал спасателей, предлагал перевезти их на сушу. Так нет же! Сидят, так их растак, и с места не двигаются. Мародеров они, видите ли, боятся! Да что у них брать!

И в этом пункте мнение губернатора в корне расходилось с мнением пострадавших.

Это с его точки зрения у них взять нечего. А с точки зрения самих граждан – в домах оставалось все, что им удалось тяжелым трудом скопить за всю жизнь, и, бросив это жалкое имущество, они рисковали обнищать окончательно. Поэтому они сутками сидели на мокрых крышах в надежде, что вода как-нибудь схлынет сама по себе.

На эти крыши к людям поступали сообщения, что для них готово теплое общежитие и что со временем они получат новые дома.

Но люди почему-то в это не верили и продолжали вести журавлиный образ жизни. Только беременных женщин, стариков и детей удалось выманить с их поста.

Все же остальные держали оборону до последнего. Они даже наладили некое подобие жизни, то есть ездили друг к другу в гости на плотках, обменивались новостями, и все это до тех пор, пока вода не стала уходить тем же естественным путем, которым пришла.

И только тогда стал ясен весь размах постигшего их несчастья. Вода унесла с собой последние надежды. Хозяйства были безнадежно погублены. И зря люди так долго терпели все эти лишения. Лучше бы послушали губернатора и пересидели в тепле.

Восстановить разрушенное можно было только путем вложения значительных средств. И тут с жителями региона случилось небывалое! На них посыпались пособия.

Люди, не привыкшие чего-либо получать, буквально ошалели. Они таких денег в руках-то никогда не держали. А здесь, нате, пожалуйста, деньги свалились буквально с неба.

И пошло веселье! Сначала долго праздновали удачу, и за этим делом как-то позабыли, для чего выделялись средства. Потом опомнились и взялись за восстановление разрухи.

И тут ликование стало уходить с такой же неумолимостью, с какой давеча уходили вешние воды. На деле оказалось, что денег едва хватает, чтобы как-то подшаманить жильё на лето, а что зимой делать, никто не знал. И право дело, чего о зиме-то думать, когда весна на дворе?

И распорядившись средствами, кто как мог, люди зажили покосившейся жизнью так, как если бы ничего не случилось.

– А чо? – поговаривали мужики. – Мы ща все лето горбатиться будем, последние деньги потратим, а осенью опять все смоем. Вот на осеннее пособие и ремонтировать станем.

За таким развитием событий с тревогой наблюдал священник одного деревенского прихода – отец Михаил.

Отец Михаил был плохим священником, и собственная плохость мучила его непрерывно. Не было в нем той стати, того внушительного голоса и той глубины взгляда, при помощи которых иной батюшка приводил в трепет паству.

Отец Михаил был мал ростом, неказист и до болезненности застенчив. И голос у него был писклявый, как у девицы.

«С таким бы арсеналом в монахи, – думал он, – да обет молчания на себя наложить. А я, вона, людей наставлять на путь праведный взялся».

А кого наставлять-то? Приход почти пустой. Не ходят к отцу Михаилу люди. Так, пара старух захаживает, и те смотрят на него с сомнением. Но при всех недостатках отец Михаил, помимо искренней веры в Бога, обладал еще одним неоспоримым достоинством – он любил людей.

Любил не за какие-то особенные качества, а всех огульно, одной жалостью. Всю жизнь он страдал и мучился из-за собственного несовершенства, из-за неумения донести до прихожан самые простые вещи, научить их жить на земле правильно, так, как предписано Богом. И выдумывать ничего не надо, был уверен отец Михаил, – делай, как сказано, и все будет хорошо.

Но люди почему-то всегда все делали наоборот. Они безобразничали, пьянствовали, мучили друг друга, и их вину отец Михаил брал на себя. Это он не нашел правильных слов, не смог собрать людей вокруг храма.

Кстати, о храме. Именно храм во время наводнения пострадал больше всего. Он стоял на непривычном месте, ближе к реке, в низинке и по самую колокольню ушел под воду.

Церковка и так-то была плохонькой, прямо под стать служителю, а здесь и вовсе одни стены остались.

Отец Михаил, как положено, доложил начальству о случившемся несчастье – так, мол, и так, приход разрушен, молиться негде.

Сообщил и стал ждать. И здесь сказывалась его слабая натура, нет бы надавить, поехать, разобраться.

Но всего этого отец Михаил не умел. Он тихо молился за спасение дома Господня и с ужасом наблюдал за тем, как под воздействием всеобщей разрухи неумолимо разлагаются нравы селения.

Русскому человеку нужен каркас в виде власти, или Бога, или страха, на худой конец. А когда ничего такого нет, то он быстро опускает руки, спивается.

Женщины еще как-то держались, а мужики разболтались окончательно. Нет, не на пользу им пошло пособие.

И тут отец Михаил вдруг почувствовал в себе что-то новое. Дойдя до самого края и увидав, в какую пропасть заваливается доверенная ему община, он вечером пришел в пустую церковь, зажег лампадку и встал на колени перед тем, что когда-то было иконой, а теперь превратилось в черную сырую доску с остатками позолоты.

Вода пришла в храм ночью, и иконы он спасти не сумел.

Молился отец Михаил всю ночь, и когда наутро пропели первые петухи, он уже знал, что нужно делать.

С самого утра, не давая себе перерыва на отдых, он начал голыми руками, как мог, восстанавливать храм. Он собирал по всей округе ненужные доски, камни, в общем, все, что могло хоть как-то помочь залатать дыры, и в старой тачке подвозил все это к церкви.

Поначалу на его деятельность никто не обратил внимания, но потом около храма стали собираться любопытные.

Они просто стояли в сторонке и время от времени обменивались репликами:

– О, глянь, батюшка церковь взялся восстанавливать. Здесь, можно сказать, люди на улице остались, а он Богу домик строит.

– Да не построит, – успокаивал собеседник. – Разве без материалов чо сделаешь?

Батюшка слушал и понимал, что люди правы и что никогда ему самому не справиться, а в вышестоящих инстанциях почему-то не чешутся.

Но ночью, на молитве, на него снизошло прозрение. Ему стало ясно, что кто-то должен начать собирать развалившуюся жизнь по крохам, из ничего, но собирать, а не рушить. И эта уверенность в том, что он действует верно, что главное не сворачивать с пути, и была тем новым, что открылось ему с криком петуха.

Первым, кто откликнулся на молчаливый призыв священника, был самый никчемный мужик на деревне – Егорыч.

Никто не знал, как он угодил в Егорычи, потому что отца его звали Николаем.

Откуда прицепилось к нему это прозвище? Может, оттого, что было в этом имени что-то колючее, ершистое, а Егорыч – известный дебошир и пьяница?

Но пьяницей он был не от слабости, а по разумению, потому что поиски смысла земного бытия замучили его совершенно.

Однажды утром он отверз отуманенные очи и понял, что жизнь ему не мила, но не мила не обычной похмельной немилостью, а как-то по-особенному, горько, бесповоротно, хоть в петлю лезь.

И он бы непременно полез, если бы не нашел в печи у супруги бутылку самогона. Она думала, что он под золой не сыщет, а он сыскал. Пристроившись у окна, Егорыч опрокинул рюмочку и стал смотреть в волнистое мутное стекло, как в телевизор. Там, на улице, происходило много всякого интересного.

«Если повезет, – думал он, – то можно увидеть драку, и тогда надо бросить все и бежать принимать чью-то сторону по справедливости, или глядеть, как пастух гонит коров – утром тощих, голодных, а вечером сытых, осторожно несущих полное вымя. Или просто глядеть на закат».

Но на сей раз Егорычу не везло. Улица была пустынна. Ее пустота как будто наполняла собой его душу и, огорченная этой безутешной душой, вытекала в мир.

И это оказалось страшнее наводнения, потому что от такой безутешности спасение было только в самогонке.

Так Егорыч просидел бы до вечера, но самогонка стала заканчиваться. Тогда он, натянув на тощий зад треники с пузырями на выпуклых местах, выполз на улицу и стал крутить головой, озираясь и обдумывая, кто из товарищей может угостить.

Мимо прошел гусь тети Вари. Он старательно поводил задом из стороны в сторону, как будто направлялся по важному поручению. Промчался на кривом велосипеде соседский мальчик, за ним девочка, тоже на кривом.

«Не то, все не то», – думал Егорыч.

И вдруг из-за поворота появилось колесо, большое, резиновое, и это колесо влекло за собой сначала ржавую тачку с каким-то мусором, а потом пристроившегося к ней попа в длинной черной рясе.

Егорыч насторожился. Не в том смысле, что с попом можно было выпить, а в том, что в этом явлении он усмотрел что-то необычное.

И когда священник проходил мимо, он как будто смахнул рясой Егорыча с места, и тот поплелся вслед за тачкой. Поплелся так, из чистого любопытства.

– А чой-то ты такое делаешь, отец Михаил? – через некоторое время поинтересовался Егорыч.

– Да вот, храм хочу восстановить, – признался отец Михаил, надсадно дыша, видно, тяжелая тачка была ему не по силам.

– Ха! – усмехнулся Егорыч. – Ха-ха, да разве из этого мусора храм построишь!

– Не знаю, построю или нет, но строить буду, – отозвался священник. – Все лучше, чем сложа руки сидеть.

Эта мысль почему-то особенно поразила Егорыча, и он, недолго думая, дружелюбно оттолкнул попа в сторону. Оттолкнул и покатил тачку сам.

– Передохни, – пояснил он свои действия, – а то вон неведомо, в чем душа держится, а все туда же, тачки толкать.

Когда-то Егорыч был богатырем, в последнее же время от пьянки весь ссохся и только по привычке думал о себе в преувеличенном смысле, то есть считал, что он крупнее, выше и сильнее хилого священника.

Так, сменяя друг друга, они докатили груз до места назначения и стали перетаскивать содержимое тачки к стенам храма.

И здесь Егорыч действовал механически – мол, помогаю хорошему человеку, выпить все равно не с кем, почему бы и не помочь.

Занимался он этой нелегкой работой до глубокого вечера, и чем больше уставал, тем легче становилось у него на сердце, будто не церковь очищал от грязи и мусора, а растаскивал завалы в собственной душе.

И там, в душе, становилось легко и пусто, и в эту пустоту нужно было поместить что-то серьезное и важное, что-то такое, что Егорычу было совершенно неведомо.

И не зная, чем наполнить эту пустоту, он, попросившись с отцом Михаилом, отправился к друзьям, которые как раз сидели у реки и, тихо беседуя, смотрели на воду.

Друзей было четверо, и все они покосившейся статью и осоловелыми лицами походили на Егорыча.

– О, садись к нашему огоньку! – крикнул один из них. – Смотрите, братцы, времени десятый час, а он – ни в одном глазу!

Послышалось мелодичное бульканье, и в руке у Егорыча оказался граненый стакан, до краев наполненный мутным зельем.

Егорыч поблагодарил, выпил и почувствовал, что душа его до краев наполняется хмелем, мир вокруг становится привычным. И хочется говорить.

– Я, братцы, сегодня храм строил, – объявил он.

– М-м-м... – удивленно промычали братцы.

– И знаете, – продолжал Егорыч, – впервые в жизни человеком себя почувствовал.

В ответ вновь раздалось знакомое бульканье, и в руке у Егорыча опять оказался стакан. Выпив и закусив запеченной на ржавом щите рыбешкой, он выплюнул на песок кости и заговорил.

Суть его речи сводилась к тому, что жизнь без идеи совершенно бессмысленна, и если бы не поп, то он бы так и не понял ничего до конца своих дней.

Конечно, изложить такую глубокую сентенцию ему было непросто, поскольку язык заплетался и мысли в голове были какими-то вязкими, путаными. Но все же за несколько часов Егорыч сумел донести основную идею до собеседников, после чего они вповалку уснули прямо на берегу.

...Проснулся Егорыч от удара мокрым полотенцем по лицу.

– Ээ... – замычал он и открыл глаза.

Ужас всей его жизни, жена Галина стояла спиной к реке, и восходящее солнце рисовало по бокам ее силуэта огненные крылья.

– А ну, вставай! – заорала она таким визгливым голосом, что в мозгу у Егорыча сразу образовалась брешь.

Опасаясь за голову, Егорыч поднялся с ночного ложа и, на ходу отряхивая песок, покорно поплелся за супругой, как идущая на водопой корова. Они молчали. Они молчали всю жизнь. Потому что все важное было сказано тогда, давно, в молодости, а теперь осталось одно недовольство, о котором говорить не имело никакого смысла, потому что переделывать друг друга они уже не могли.

Но Галина не сдавалась, она все ждала чего-то от жизни, все думала: а вдруг случится чудо, ее муж перестанет пить, и они заведут ребеночка.

И, поддаваясь несбыточным мечтам, она внезапно начинала бунтовать на ровном месте и нападала на супруга, не умея объяснить, зачем она это делает, тем самым вызывая у того недоумение и, как следствие, – желание напиться.

Так и на сей раз, глядя на перекатывающуюся походку жены, Егорыч взялся думать о своем – что эта баба дана ему в наказание и что надо бы залить это горе.

Но вот на этой мысли, относительно залить, он почему-то споткнулся и вдруг отчетливо понял, что водка ему опротивела, как и все остальное. Что поутру, вместе с хмелем, ушла та наполненность миром и ощущение гармонии, ради которых он пил, и в душе опять образовалось что-то вроде пещеры, пустой и гулкой, и это пространство требовало какого-то наполнения. Недолго думая, Егорыч отстал от жены, шмыгнув в какой-то проулок и, поражаясь собственной прыти, рванул к церкви.

Отец Михаил был уже на посту.

Он по-прежнему проделывал какие-то бессмысленные манипуляции, которые никак не могли послужить реставрации храма. Увидав копошение попа, Егорыч с облегчением вздохнул и принялся за дело.

Где-то к полудню на пригорке показались его давешние собутыльники. Они уже успели похмелиться и смотрели на мир ласково.

Сначала они только делали замечания и давали советы, но как-то незаметно и сами втянулись в работу, и теперь на руинах храма перетаскивало с места на место мусор уже шесть человек.

К вечеру, обессилив от трудов, Егорыч вернулся домой, где его во всеоружии встретила Галина, готовая к скандалу. Но едва она раскрыла рот, как муж подошел к ней и нежно потрепал по щеке.

Галина так и осталась стоять с открытым ртом. В этом жесте было что-то родное, из прошлого, что-то такое, что отдаленно напоминало счастье.

И тут, не помня себя от радости, она заметила, что ее муж, Сергей, первый раз за много лет трезв.

– Сереженька... – прошептала она.

Егорыч оглянулся и изрек:

– Галь, я пить больше не буду, надоело. Я теперь с батюшкой храм строю.

По привычке Галине хотелось закричать:

– Видали, храм он строит! Здесь зима скоро, нам самим вот-вот на голову крыша рухнет!

Но она сдержалась, потому что каким-то седьмым чувством угадала – муж не шутит, случилось нечто из ряда вон выходящее, нечто такое, что может изменить их жизнь – случилось долгожданное чудо!

Когда отец Михаил затевал ремонт храма, он представлял себе размах задуманного предприятия как человек, который пытается составить себе картину мира, глядя на него в замочную скважину.

В эту скважину была видна церковь, Егорыч с товарищами, и отцу Михаилу не было страшно, потому что он понимал, что сил у него достанет и на Егорыча, и на его друзей, и даже на всю деревню.

Но когда на строительство церкви со всей округи потянулись толпы паломников, батюшка испугался. Он был человеком скромным и не знал, что делать с такой вселенской славой.

Началось все с того, что Галина рассказала соседке, будто отец Михаил ее мужа от пьянки спас.

Соседка вытаращила глаза и потащила своего ханурика в церкву. Как это ни странно, но и ее муж поддался трудотерапии и за работой на время позабыл о бутылке.

Как всегда на Руси, весть о случившемся чуде стала распространяться со скоростью пожара, обрастая по пути самыми невероятными подробностями. Человеческая молва зачислила отца Михаила в старцы, святые великомученики.

Поговаривали, будто он наложением рук лечит любые болезни. И снялась со своих мест Русь-матушка, и, казалось, вся округа двинулась в сторону развалившегося прихода.

Люди шли с бедами, надеждами. Большинство из них и в церкви-то никогда не бывали.

Сколько раз отец Михаил молил Бога образумить заблудшую паству и прислать к нему прихожан. Но здесь Всевышний явно перестарался. Паломничество принимало размах бедствия.

И тогда отец Михаил опять встал перед доской, на которой по прошествии времени едва узнаваемым темным пятном стал проявляться лик Господень. И опять отец Михаил молился до утра и просил пособить ему маленько в непосильной задаче.

И опять Господь услышал его. Наутро отец Михаил почувствовал в душе необычайную бодрость. Выйдя на ступени храма, он обозрел огромную толпу прихожан и произнес:

– Дорогие мои, – голос его звучал необыкновенно громко и ясно, – я так долго вас ждал! И вот вы наконец пришли!

Толпа загудела одним общим одобрительным гулом.

– Я не святой, – продолжал отец Михаил, – и чудес творить не умею.

И опять раздался гул, но теперь уже какой-то тревожный, недовольный.

– Да поймите вы, – батюшка повысил голос и почувствовал, что в его речи появилось правильное колокольное звучание, – поймите, чудо в вас самих! Потому что вас Господь создал по образу и подобию своему, и если вы в это поверите, то для вас не будет невозможного. А вера зажигается не от чудес, а от дела. Творите добрые дела, друзья мои, и воздастся вам по деяниям вашим.

В воздухе повисла напряженная тишина. И священник понял: это внимание, его слушают.

В это утро он говорил долго, сам поражаясь тому, какие мудрые, правильные слова Господь вкладывает в его речь.

Он говорил о том, что русскому человеку необходимо вокруг чего-то объединяться. И когда он объединяется вокруг бутылки, то получается то, что получается. И что надо найти для себя что-то важное. А что может быть важнее Бога?

На следующий день толпа паломников значительно поредела.

Многие ушли по домам разочарованные. Ждали чудес, а получили что?

Но зато оставшиеся стояли у церкви. И по их лицам было видно, что в их сознании запущен некий механизм, которому обязательно надо дать развитие. С этого дня отец Михаил каждое утро читал проповеди на улице, и счастье, неведомое до сей поры счастье, наполняло всю его душу. Он наконец-то обрел себя.

Отец Михаил чувствовал, как на него сверху щедрым потоком снисходит благодать, и он готов был служить проводником для каждого, для самого ничтожного, самого глупого, самого маленького, стоит ему только захотеть.

История со строительством храма облетела весь район и дошла до слуха администрации. И тут, как это часто бывает, высокопоставленные мужи почувствовали добычу.

Не в том смысле, что здесь можно было что-то урвать, нет, им уже давно это было неинтересно, а в том, что подобный сюжетец мог бы очень украсить их имидж, стоит только правильно подойти к делу. И они подошли правильно.

Отец Антона – Петр Васильевич Чудаков со свитой свалился на голову мирного селения неожиданно.

Посреди бела дня по кривым улицам деревни пронесся невиданный кортеж из пяти машин.

Домашняя скотина в панике разлеталась из-под колес, люди тоже.

Такие автомобили люди видели разве что по телевизору, и это произвело на них такое ошеломляющее впечатление, что они даже позабыли обидеться за то, что машины все-таки передавили немало живности.

Автомобили с мигалками и сиреной подлетели к церкви, где отец Михаил как раз мирно читал проповедь.

Первыми из машины выскочили какие-то страшные мужчины в модных пиджаках и стали теснить толпу в сторону.

В их действиях и выражении лиц было нечто такое, что убеждало людей сразу, без сопротивления выполнять их команды.

Только отец Михаил решился поднять голос.

– Что вы делаете, – пискнул он, – оставьте людей в покое!

– Не положено, – отчеканил один из нападающих, – сейчас хозяин выходить будет.

И действительно, дверца самого большого и самого блестящего автомобиля отворилась, и оттуда степенно, с достоинством вышел господин, ухоженный какой-то нездешней ухоженностью, – Петр Васильевич Чудаков.

Сразу следом за этим, как по команде, открылись двери всех остальных машин и оттуда посыпались, как горох, люди самого разнообразного вида.

Вся деревня уже собралась на пригорке, и жители вылупив глаза смотрели на разворачивающееся перед ними действие.

С какой-то дьявольской быстротой несколько человек распаковывали видеоаппаратуру. Вокруг, издавая звуки, напоминающие крик голодной чайки, носился какой-то субъект. Охрана выстроилась забором, лицом к толпе, и, сложив на причинных местах нештучные ладони, буравила взглядами мирных селян.

Наконец все было готово, и Чудаков размеренным шагом двинулся к батюшке.

Следом за ним шел оператор с камерой на плече и корреспондентша с микрофоном.

Отец Михаил был возмущен до крайности, и это отчетливо читалось на его лице.

– Ты его физиономию пока не снимай, – кинул Чудаков через плечо оператору.

– Что вы себе позволяете! – просипел батюшка, когда важный гость подошел достаточно близко.

Но Чудаков обладал обольстительностью дьявола. Он в совершенстве владел искусством убеждения и без труда обращал врагов в самых преданных друзей. А уж с таким простакон, как этот поп, он мог бы справиться даже во сне.

Не дойдя нескольких шагов до храма, Чудаков встал на одно колено и осенил себя широким крестом, что батюшке не понравилось: уж больно театральным было его припадание.

Но затем, поднявшись на ноги, Чудаков напялил на физиономию такую обворожительную, такую искреннюю улыбку, что сердце священника дрогнуло, и он подумал: человек с такой улыбкой не может быть негодяем, а весь этот трамтарарам, наверное, является предписанием для таких важных особ. А что особа важная, не было никакого сомнения.

– Благословите, отец святой! – попросил Чудаков и подошел под благословение, тем самым показав, что законы церкви ему известны.

Отец Михаил благословил, но неохотно. Что-то все-таки мешало ему открыться этому обаятельному человеку.

После благословения Чудаков взял костлявую ладошку священника в свою мясистую горячую руку и заговорил с мягким упреком:

– Что же вы, батюшка, такую ношу на себя взвалили? Разве один в поле воин?

– А я не один, – возразил батюшка. – Вон у меня сколько помощников.

Он повел взглядом в сторону людей, отгороженных от него охраной.

– Да люди-то людьми, а без средств-то как же?

– А мы и средства собираем потихоньку. С Божьей помощью храм растет.

– Чудной вы, ей-богу! – улыбнулся отеческой улыбкой Чудаков. – Я глава администрации области. Что же ко мне-то не обратились?

– Я доложил в епархию, как положено.

– Ну, и что, помогли?

– Не помогли... – Отец Михаил поник головой.

Ему неприятно было об этом говорить, как неприятно бывает человеку, когда посторонний вмешивается в дела его семьи.

Голос Чудакова звучал как певучий инструмент, звуки которого проникали в самое сердце и заставляли верить каждому его слову.

– Что ж, помощи мы любой рады, – пролепетал смущенный священник.

Все дальнейшее помнилось ему как в тумане.

Куда-то исчезли суровые стражи порядка, толпа людей смешалась с гостями, откуда-то появилось несколько ящиков водки.

Отец Михаил пытался воспротивиться спаиванию селян, но его никто не слушал.

Народ опьянел как-то мгновенно, и страшное, ненормальное веселье охватило всех собравшихся.

Бабы с визгом пустились в пляс, мужики зажигательно посвистывали, и в центре этой беснующейся толпы, высоко вскидывая руки в белых манжетах, давал гопака сам глава области.

Отец Михаил, стоя на ступеньках храма, смотрел на происходящее с ужасом.

Ему казалось, будто сам сатана примчался из преисподней и за полчаса уничтожил труды стольких дней.

Те непрочные росточки, которые в последнее время стали пробиваться в душах его прихожан, от одного прикосновения нечистого превратились в тлен, и на волю вырвалось то бесноватое, дикое, что он так не любил в русском человеке.

– Люди, что вы делаете, люди... – бормотал отец Михаил.

Но голос его опять утратил звучность, движения – целеустремленность, и он почувствовал, что Господь оставил его.

И тогда, опустившись на грязную ступеньку храма, отец Михаил обхватил голову руками и тихо заплакал.

На следующий день от прихожан осталась лишь жалкая кучка.

А через неделю вся деревня сидела у телевизоров.

Отец Михаил тоже пошел в соседский дом, чтобы увидеть воочию свое падение, увидеть и понять, где он сделал ошибку.

Но репортаж, который показали по телевидению, изменил картину до неузнаваемости.

Там не было ни нашествия лимузинов, ни безобразного поведения охраны, и вообще никакой охраны видно не было.

Отец Михаил видел свою физиономию с елейной улыбкой, прихожан, трезвых, но веселых, которые дружелюбно пожимают высокому гостю руки.

А потом самого высокого гостя, который под общее ликование дает обещание выделить средства на строительство нового храма и предлагает гражданам оказание помощи по любым интересующим их вопросам.

И тут на экране крупным планом появилось румяное лицо некой Зинаиды, а рядом с ним такое же розовое, пышущее здоровьем личико девочки.

И корреспондент поведала миру, что для лечения этого ребенка в заграничной клинике администрация области выделяет средства.

Отец Михаил смотрел на улыбающееся непорочной улыбкой лицо женщины и вспоминал, как все было на самом деле.

...Когда Чудаков предложил гражданам обращаться с просьбами, веселье замерло, и люди в растерянности стали переглядываться.

Легко сказать – обращайтесь с просьбами! А поди пойми, с чего начать?

И тут неожиданно толпа раздвинулась, и из ее самых задних рядов вышла женщина.

От стеснения она как-то нелепо топотала отекавшими ногами, обутыми в обрезанные валенки с галошами. На голове у нее красовался похожий на половую тряпку пуховый платок. На руках женщина несла девочку с голубым личиком.

Девочка лет четырех смотрела на мир с такой отрешенностью, как будто в ее детских глазах уже угнездилось понимание того, что этот мир создан не для нее, что ее затрудненное тяжелой болезнью дыхание может прерваться в любую минуту и она окажется где-то в другом месте, куда и был устремлен ее взгляд.

Отец Михаил знал эту женщину, которая пришла за сорок верст в надежде получить помощь для больного ребенка.

– А ты была в больнице-то? – спрашивал ее отец Михаил.

– Да где я только не была, – отвечала Зинаида. – У них один разговор – заграница. А где ж я такие деньги-то возьму?

Отец Михаил не знал, что ответить.

Денег у него тоже не было, и поэтому он пытался подарить надежду. Но это служило плохим утешением матери, теряющей единственного ребенка. Когда Зинаида вышла из толпы, то вид ее мог бы тронуть даже каменное сердце.

Тут же выскочил вперед оператор с камерой и стал снимать несчастную.

– Ты чего делаешь! – прикрикнул на него Чудаков, и отец Михаил подумал, что в губернаторе проснулось что-то человеческое.

– А что? – удивился оператор. – Снимаю.

– Ты чего снимаешь-то?

– Тетку.

– Ну, ты в порядок ее сперва приведи, а то народ от такого вида в обморок упадет.

От такого цинизма у священника захватило дух.

– Постыдились бы... – пискнул он слабым голосом.

Но его никто не услышал.

Зинаиду подхватили под руки, и тот парень, который больше всех суетился вначале, администратор, поволок ее вместе с ребенком к машине.

– Ты чего эту рвань на голову нацепила? – выговаривал он по дороге. – Жара же на улице!

– Так я же в церковь шла, – объяснила Зинаида, – без головного убора нельзя, а ничего другого у меня нет.

Это признание отскочило от администратора как от стенки горох.

Он ловко затолкнул Зинаиду с дочерью в телевизионный автобус, и уже через мгновение они вышли оттуда размалеванные, как матрешки.

Но на экране этой грубой работы не было видно. Зинаида выглядела вполне естественно, как женщина, только что напившаяся парного молока.

Чудаков подждал просительницу на пригорке.

По всему было видно, что мероприятие опротивело ему до крайности. Он нервно подергивал ногой, посматривал на дорогой «Ролекс» на руке и стриг недовольным взглядом поверх голов людей, которых охрана опять отгеснила подальше.

Для репортажа уже нашелся персонаж, а лишние просители были ему ни к чему.

Увидав приближающуюся женщину, Чудаков мгновенно преобразился. На его лице опять заиграла открытая доброжелательная улыбка, и он, стараясь смотреть мимо камеры, чтобы на экране выглядеть как можно естественнее, и широко расставив в стороны руки, двинулся навстречу просительнице.

Женщина опять несла девочку на руках – видимо, от слабости та не могла ходить.

– Как же вы, милая, столько верст, с такой тяжестью! – воскликнул Чудаков и взял ребенка из рук матери. Девочка вяло протянула к матери ручки и тут же сдалась, она привыкла жить без протеста. – Вы бы хоть колясочку какую-нибудь приспособили.

– Да нету у меня никакой колясочки. Я уж так, по привычке.

– Вот все вы так, – мягко упрекнул Чудаков. – За жизнь ребенка-то бороться надо!

– А я что делаю! Вон полземли исходила! – Зинаида чуть не плакала.

Она впервые в жизни почувствовала заботу. Заботу настоящую – не ту беспомощную, эфемерную, которой окружал ее поп, а энергичную, действенную, от которой в сердце распускается мягкий бутон надежды.

– Да что ж ходить-то неведомо куда? – продолжал Чудаков. – Ребенку в больницу надо.

– Да была я в этих больницах! Они там все что-то про Германию говорят.

– Ну...

– Да где я и где Германия.

– Ах, милая! – Чудаков потрогал пальцем напояженную щеку девочки и безглаголиво посмотрел на свой палец. – Германия-то совсем недалёко. Двадцать первый век на дворе.

И тут Зинаида не выдержала.

Как есть, во всем своем единственном обмундировании, она упала на колени прямо в грязь и, громко рыдая, воздела к чиновнику руки.

– По... по... по... – взмолилась она, – отец, родной, помоги!

Увидав мать в таком положении, девочка тоже залилась тихим плачем.

Чудакову все это не нравилось. Ситуация явно выходила из-под контроля. Эта тетка валяется в грязи, опять вся вывозилась, снимать невозможно, ребенок ревет прямо в ухо.

Чудаков не был злым человеком и людям иногда действительно помогал, но, объездив пол-Европы и усвоив хорошие западные манеры, он не мог спокойно смотреть на подобные сцены.

Вместо жалости они вызывали в нем раздражение.

«Что же это такое, почему люди нормально разговаривать не умеют, – думал он, – обязательно нужны какие-то крайности».

На помощь ринулся отец Михаил.

Он попытался поставить Зинаиду на ноги, но та сопротивлялась, и между ними завязалась какая-то непотребная борьба.

– Ну все, хватит! – наконец не выдержал губернатор и передал ребенка на руки охране. – Тебе придется монтировать из того, что есть, – крикнул он на ходу оператору, – а меня можешь доснять на даче. По коням!

Все гости мгновенно двинулись к машинам.

Перед Чудаковым почтено распахнули дверь его лимузина. Он грузно уселся на заднее сиденье, машина тронулась.

И через затемненные стекла было видно, как беспомощно, опустив руки, застыла на толстых ногах Зинаида, а рядом с ней поп с больным ребенком на руках.

И сердце Чудакова дрогнуло.

– Останови! – крикнул он водителю.

Машина остановилась.

– На-ка вот, отнеси. – Он протянул сидящему с правой стороны от водителя охраннику пухлый конверт, который был приготовлен совсем для другого дела. – Отдай попу, скажи, что это пожертвование на церковь, а остальные средства, в том числе и на лечение ребенка, придут в ближайшее время.

Ближайшее время долго не наступало, а вместо этого наступила зима, как всегда, неожиданно.

Зинаида поселилась в доме у священника, где уже много лет не ступала нога женщины.

Отец Михаил был вдовцом. И чтобы не думать о том, что происходит с ее дочерью, Зинаида взялась налаживать расстроенное хозяйство.

У батюшки появилась горячая еда, и дом перестал быть таким бесприютным, темным.

Церковь так и осталась недостроенной, и через дырявую крышу в нее повалил снег. Проповедовать на улице зимой не получалось, люди не хотели мерзнуть.

И, боясь потерять то, что он собрал по крохам с таким трудом, отец Михаил решил двинуться в областной центр, добиться встречи с Чудаковым и призвать его к ответу. Все-таки он на всю страну давал обещания. Пусть теперь держит слово.

Запасясь пирогами на несколько дней, он оделся-обулся потеплее и тронулся в путь.

Дорога была нелегкой.

Электричка к ним не ходила, и приходилось ехать где на автобусе, где на перекладных.

Наконец, добравшись до места и несколько ошалев от городского шума, отец Михаил расположился на вокзале и решил здесь же переночевать, а с утра, со свежими силами, отправиться в администрацию.

Но отдохнуть за ночь ему не удалось, потому что жизнь вокзала произвела на него такое сильное, такое удручающее впечатление, что он не сомкнул глаз до самого утра.

Здесь, как в капле воды, отражающей мир вселенной, ярко и бескомпромиссно отражалась жизнь всей большой и неустроенной страны. Казалось, что люди застряли на этом вокзале со времен Второй мировой войны и что им, несчастным, неизвестно, что на дворе наступил двадцать первый век и что это век компьютеров и новых технологий.

Они по-прежнему валялись на грязных тюках, как будто время отсортировало их и выбросило на этот вокзал, чтобы они не мешали всеобщему ликование мира.

Иногда мимо пробегали грязные дети с шельмоватыми глазенками, и отец Михаил понимал, что это беспризорные.

В сравнении с этой городской бесприютностью беды его прихода казались маленькими и поправимыми.

«Господи, сколько еще дел на земле, делать – не переделать!» – вздохнул священник и твердо решил, что завтра, у губернатора, обязательно скажет веское слово.

Но этот настрой, который он так бережно нес к зданию администрации, полностью улетучился за несколько часов унижительного ожидания в приемной.

Впрочем, ждать его никто не просил.

Напротив, секретарь объяснила, что Петр Васильевич принять не может и что вообще нужно записываться за несколько месяцев.

Но, из уважения к сану, она не посмела выставить попа на улицу и разрешила ждать сколько угодно, причем, предупредив, что ожидание бессмысленно.

Отец Михаил сидел в роскошной приемной и под воздействием окружающей его обстановки с каждым часом чувствовал себя все меньше и меньше.

Мимо него без усталости сновали какие-то важные люди с бумагами в руках. Они забежали в кабинет губернатора с таким видом, как будто ныряли в прорубь, и выскакивали оттуда взбодренные и встревоженные.

Отец Михаил смотрел на эту деловую коловерть и думал, что, пожалуй, слишком много возомнил о себе. Не ему, карлику, бороться с такими великанами.

И в тот момент, когда он уже готов был сдать свой пост, дверь кабинета распахнулась, и оттуда вышел сам хозяин.

Секретарша поспешно вскочила, и, поддаваясь инерции ее движения, вместе с ней вскочил с места отец Михаил.

Он оказался буквально лицом к лицу с губернатором, так близко, что сумел прочесть в его глазах ускользающее узнавание.

И в следующее мгновение, не дав посетителю опомниться, Чудаков резко крикнул через плечо:

– Почему посторонние?

Секретарша что-то прокудахтала, а Чудаков, не говоря больше ни слова, с недовольной гримасой прошел мимо и исчез за массивной резной дверью. Дверь сердито хлопнула, и с этим хлопком отцу Михаилу стало очевидно, какими наивными и глупыми были его надежды.

Деревня встретила его молчаливым ожиданием.

Казалось, все лица обращены к нему с одним вопросом: ну что, царь батюшка смиловился?

Отец Михаил прятал глаза, ему было стыдно за свою беспомощность.

Но самой страшной была встреча с Зинаидой.

Она выслушала рассказ отца Михаила, как приговор, и отреагировала с таким безразличием, которое появляется у человека накануне казни.

– А я ничего другого не ждала, – прошелестела она сухими губами. – Домой пойду, хочу, чтобы Лидочка дома померла.

И тут в душе отца Михаила вспыхнул такой протест против этой простой и бескомпромиссной правды, что в его сознании сам по себе возник конверт, который он получил тогда от охранника Чудакова.

Конверт этот он даже не открывал, а как есть, запечатанным, сунул в щель за печку. Сделал он это потому, что денег этих нечистых касаться не хотел. Было в этом конверте что-то унижающее человеческую душу.

Но вот теперь, когда гибель любимшегося ему ребенка стала неотвратимой, деньги эти оказались единственно возможным решением. Недолго думая, отец Михаил кинулся к печи и, слегка пошарив в тайнике рукой, вытащил потемневший от жара пакет.

– Что это? – без всякого любопытства спросила Зинаида.

– Да сам не знаю, – признался батюшка. – Охранник Чудакова сунул.

С этими словами он надорвал бумагу и ахнул.

В конверте ровными рядами лежали крупные купюры, счесть которые можно было не сразу.

Зинаида почему-то заплакала, а батюшка почувствовал, что на деньги эти лег совершенно другой свет – свет спасения ребенка.

Весть об очередном случившемся чуде разлетелась по деревне мгновенно. Люди собрались у дома священника, желая своими глазами посмотреть на невиданную сумму.

– Ну вот, а все говорили, что губернатор плохой! Видал, какие деньжищи отслонявил! – шептались в толпе.

Отец Михаил слушал подобные речи односельчан и думал, что опять чаша весов перевешивает в сторону чиновника. Что не достучаться ему до душ прихожан, пока в мире правит эта разрисованная бумага. А с другой стороны, без бумаги получается никак. Такую магическую силу она имеет над человеком.

Сосчитав сумму в конверте и обалдев окончательно, селяне стали держать совет. Деньги-то вроде большие, а, бог их знает, хватит ли на операцию?

– Ты когда эти купюры на евры обменяешь, то от них останется во#от столечко, – предположил Егорыч и расставил большой и указательный палец так, что между ними оказалось не больше полусантиметра.

Точнее никто в деревне не сумел определить настоящую ценность денежных знаков, и поэтому, для уточнения вопроса, было решено снарядить экспедицию в местную больницу, а заодно проконсультироваться у врача о состоянии здоровья девочки.

И опять, как тогда, летом, ради спасения храма, люди объединились – теперь уже во спасение ребенка.

Все вызывались пойти добровольцами в больницу. Как говорится, и доброе дело сделать, и мир посмотреть.

Но после недолгих споров утвердили кандидатуру Егорыча. Он был как-то побойчее всех остальных, к тому же как бросил пить, так ни разу и не притронулся.

Галина провожала мужа торжественно, как на войну. Она шла рядом с телегой, на которой возлежали Зинаида с Лидочкой, а вожжи держал, смущаясь, как артист на подмостках, ее Сергей.

Вся деревня следовала за телегой, давая напутствия, а возглавлял все это шествие большой конусообразный живот, которым Галина прокладывала себе дорогу.

Летом она понесла и теперь специально надевала узкое пальто, чтобы все видели, как выпирает из него новая жизнь.

Вернулась делегация через три дня.

Сначала селянам показалось, что Егорыч вернулся один, потому что в телеге никого не было видно.

Но по мере приближения люди разглядели Зинаиду, которая, обняв Лидочку, лежала на соломе, как кучка ветоши, и не шевелилась.

Жадные до новостей деревенские жители поняли все сразу без слов и любопытствовать не стали.

О провале предприятия также свидетельствовала согнутая коромыслом спина Егорыча.

Зинаиду осторожно препроводили в избу и уложили на кровать. Она больше не разговаривала, вся ушла в себя.

А Егорыч потихоньку поведал, что денег этих едва хватит на дорогу и проживание, а на лечение и операцию ничего не остается.

– Ох, горемычная, горемычная, – заохала Галина. С тех пор как в ее животе зародилась жизнь, беда Зинаиды встала к ней особенно близко. – Если б хотя бы не надеяться, все было бы легче.

– Так надеяться-то больше и не на что, – вздохнул Сергей. – Говорят, жить ей осталось без операции не больше трех месяцев, а кто ж за такое короткое время эдакую сумму соберет...

Вечером отец Михаил отправился к церкви, вернее, к тому, что от нее осталось. Забравшись через сугробы внутрь, он вынул из-за пазухи икону, которая дважды ему так помогла, зажег лампадку и перекрестился.

В руинах церкви было темно, и свет от лампадки разбрасывал по углам нехорошие тени. Сумрачно было у священника на душе, и не открывалось сердце для молитвы.

Не понимал он замысла Божьего. Если нужен ему младенец, пускай заберет, но мать-то, мать зачем так мучить! То даст надежду, то отымет. Это какой же человек такое выдержит!

Отец Михаил перекрестился еще раз, потом еще и понял, что ничего у него не получится. Не мог он подавить в себе обиду... Обиду?.. Против Кого?..

Он завернул икону в тряпочку, тяжело вздохнул и дунул на лампадку. По стене храма метнулась косая тень, но фитиль не погас. И это было странно, потому что отец Михаил дунул крепко, в сердцах.

Перекрестившись, священник поднес лампадку к губам и дунул еще раз. И опять кривой отблеск молнией озарил стены. Огонек на мгновение погас и вдруг опять возник из ничего.

Не понимая, что происходит, отец Михаил набрал полные легкие воздуха и, сложив губы рожком, стал дуть изо всех сил. Фитиль плясал под напором воздуха, то исчезая, то вспыхивая вновь, и маленькое пламя, как блестящая медная рапира, выписывало немыслимые зигзаги.

И когда воздух в легких священника кончился, он больше не предпринимал попыток. Он понял, что Бог услышал его и хочет с ним говорить.

Разговор был коротким. Через час батюшка выбрался из храма тем же путем, каким туда попал, и торопливой походкой направился к дому Лизаветы Ивановны.

Во время молитвы его осенило, что сын этой женщины служит в Москве, в доме сына их губернатора Чудакова садовником. И это тебе не в кабинетах сидеть. Садовник, поди, хозяина каждый день видит. Может, замолвит словечко за земляков-то.

Дом Лизаветы Ивановны был темен и глух. Как замерзший темный куб стоял он среди снега, и по всему было видно, что хозяйка спит, и хозяйство ее спит вместе с ней.

«И право дело, – подумал священник, – ночь на дворе, а я визиты делать наладился».

Постояв еще мгновение пред калиткой и поразмыслив, не разбудить ли хозяйку, отец Михаил все же сделал над собой усилие и, оторвавшись от калитки, с сожалением поплелся домой.

Сожаление его происходило от того, что уж больно хотелось ему поделиться случившимся с ним чудом, рассказать хоть кому-нибудь о негасимой лампадке. Ведь не всякий день удается так близко почувствовать Бога.

Придя домой, он заглянул за занавеску к Зинаиде. Она лежала с открытыми глазами и смотрела перед собой, как мертвая.

Вся жизнь остановилась в ней, и душа замерла, собирая силы для того страшного, что должно было случиться. Ей было не до чудес.

Но на сей раз страдание Зинаиды не отдалось болью в сердце священника, напротив, свет от лампадки как будто переместился в его грудь и теперь горел там живым теплым огоньком, поминутно напоминая, что они в мире не одни и что не надо сомневаться, а нужно просто доверчиво идти по своему пути, как дитя идет, держась за руку родителя. С этими мыслями отец Михаил отошел ко сну и спал крепко и счастливо до самого рассвета.

Лизавета Ивановна была женщина не молодая и не старая.

Бывают такие бабы на деревне, которые как дозреют до определенного возраста, так и остаются в нем до самого конца. Все в ней говорило о недюжинном здоровье и вообще об удовольствии находиться на этом свете.

И действительно, жизнь ее задалась! Муж-пьяница сгинул где-то в тюрьме и не успел сгубить непотребным примером их единственного сына Ивана. Иван вырос, на удивление всей деревне, человеком с нездешними глазами. Не было в его взгляде той бытовой озабоченности, которая устоялась во взгляде большинства односельчан. Его взор был устремлен куда-то за пределы видимого, отчего глаза казались дремотными, мечтательными.

– Эх, Лизка, не будет с твоего пацана толку! – предсказывали соседи. – Смотри, какой он у тебя странный, – живет, как будто спит.

Да Лизка и сама все присматривалась к своему отпрыску и думала: чужой он какой-то, будто не родной сын, а подкидыш. Чего он там себе думает, когда смотрит, как леший?

А Иван думал о том, что вот закончит он школу, отслужит армию и домой возвращаться больше не будет, а пойдет учиться в ПТУ на садовника. Выучится и будет сажать не капусту с картошкой, как мать, а большие просторные парки, по которым будут бегать дети.

И именно эта мечта делала его глаза такими чужими, непонятными. Все остальные селяне жили без мечты, одними заботами.

Мечту свою Иван осуществил, ПТУ закончил и даже сад посадил.

Вернее, не сад, а палисадник перед зданием мэрии.

И надо такому случиться, чтобы этот самый палисадник развернул всю его судьбу в совершенно неожиданном направлении.

Губернатор Петр Васильевич Чудаков собственной персоной оценил его работу и, смекнув, что встретился с талантливым самородком, тут же решил узурпировать садовника для дома сына в Москве.

Ивана никто не спрашивал, хочет он там работать или нет, он просто получил наряд, как в армии, и отказаться не было никакой возможности, тем более что мать, когда услышала, какие условия ему предлагают, прямо вся зашлась от радости.

И в этом зашедшемся состоянии Лизавета так и продолжала существовать, думая, что судьба ее такая особенная, потому что она сама такая необыкновенная.

Когда отец Михаил на следующий день подошел к дому Лизаветы, она как раз покончила со своим утренним хозяйством и теперь, как каждое утро, висела двумя локтями на калитке, плохо отдавая себе отчет в том, зачем она там висит.

– Утро доброе, Лизавета Ивановна, – поприветствовал ее священник.

Как всегда, когда нужно было о чем-то просить, он испытывал страшную робость.

– Доброе, – откликнулась Лизавета. – Это не ты у меня вчера вечером под калиткой натоптал?

– Я... – еще больше смутился батюшка.

– А-а ... – с некоторым разочарованием произнесла Лизавета, – а я-то думала – воры.

– У меня дело к тебе, – признался батюшка, – разговор серьезный.

– Серьезный, говоришь, ну, давай, выкладывай. – Продолжая висеть на калитке, Лизавета с любопытством уставилась на гостя, но в дом не звала. Батюшка чувствовал, что ноги его коченеют, но проситься на порог без приглашения не хотел, знал повадку деревенских – в дом зовут только по случаю.

– Ты вот что, – запинаясь, начал батюшка, – Иван-то твой у сына губернатора служит?

– Ну... – Лизавета насторожилась.

Селяне игнорировали ее высокое положение, вели себя так, как будто ничего не случилось. И Лизавета затаила скрытую обиду на земляков за то, что они не хотят ее почитать.

Поэтому когда отец Михаил заговорил о сыне, в душе ее вспыхнула нечаянная радость.

«Вспомнили! – подумала она. – Вот теперь, когда что-то надо, вспомнили. Ну, я им отплачу за унижение».

Но мысли эти не удержались в ее голове, когда батюшка завел разговор о ребенке. Он говорил о Лидочке как-то так жалостно и смотрел на Лизавету с такой надеждой, что сердце ее сжалось, и она, недолго думая, пообещала написать сыну сегодня же.

– Да нет, Лизавета Ивановна, – возразил священник, – нету у нас времени на переписку. Лидочка совсем плоха. Того и гляди помрет.

– А что же делать?! – испугалась Лизавета. Она теперь чувствовала себя ответственной за этого ребенка.

– Не писать, а звонить надо, – вздохнул батюшка.

– Да Иван мне звонить-то не велел, говорит, хозяин заругает!

Батюшка безмолвно развел руками, мол, решай сама.

– Эх, была – не была! – воскликнула Лизавета. – Он сказал, звони только в экстренных случаях. А куда же экстреннее. Подожди меня здесь, я только за телефоном сбегаю и пойдем звонить на почту.

Иван Тимофеевич Морохов работал в доме у Антона вот уже восьмой год. Жизнь семьи проходила у него на глазах, и ничего радостного он в этой жизни не видел.

И в своей жизни он тоже не видел ничего замечательного. Дело он делал любимое, и хозяин его ценил.

Но не по душе ему было хозяйские грядки окучивать и траву для кота стричь, чтобы он мышей легче ловить мог.

Было в этой деятельности что-то постыдное, нехорошее, что-то такое, от чего волком выть хочется.

Не о том мечтал он, когда учился.

Иван Тимофеевич людям радость хотел приносить, а получалось, что, кроме этого котяры и его хозяйки, ни одна живая душа его цветников и деревьев не видит.

Дом – мертвый, и никто сюда не заглядывает.

Правда, платят хорошо, живет он на всем готовом, хозяева не обижают.

Да разве это человеку нужно для счастья!

Получается, что за хорошие харчи заплатился он мечтой, а без мечты душа сохнет. И высохла бы наверняка, если бы не звонок матери.

Когда Ивана Тимофеевича позвали в домик охраны, он сильно испугался. Мать его запрет помнила и по пустякам бы беспокоить не стала.

Поэтому, добежав до телефона рысцой, он с тревогой крикнул в трубку:

– Але!

Голос матери звучал непривычно бодро и как-то напористо.

– Слушай сюда, сыночка, – заговорила она, – здесь помощь твоя требуется!

– Фу ты, мать, – с облегчением вздохнул Иван и зашептал, прикрывая трубку рукой. – Ты чего звонишь? У меня же неприятности будут.

– Неприятности! – крикнула мать. – Здесь ребенок помирает, а у него неприятности!

– Ребенок... – Иван Тимофеевич насторожился. – Какой ребенок?

– Да какая разница какой? Маленький. А в городе, кроме тебя, никого нет, обратиться не к кому.

Дальше Лизавета Ивановна путано изложила суть дела, из чего ее сыну стало ясно, что без его вмешательства девочка пропадет.

И это ощущение, что от него зависит нечто серьезное, настоящее, нечто такое, ради чего стоит поставить на кон все его бессмысленное существование, наполнило его душу бодростью.

Положив трубку, Иван Тимофеевич подумал: «Все сделаю, все, буду просить, унижаться, если надо, украду. Лишь бы помочь этому ребенку!»

Но красть Ивану Тимофеевичу ничего не пришлось.

В этот же вечер, полный решимости, он подошел к хозяйке, когда та возвращалась с прогулки с Гуяром, и не попросил, а скорее потребовал ее незамедлительного вмешательства в судьбу ребенка.

К удивлению садовника, Изабелла окинула его озерным взглядом и, едва шевеля губами, произнесла:

– Хорошо, проходите, пожалуйста, в дом и расскажите все по порядку.

Все сладилось так легко и с такой дьявольской скоростью, что отец Михаил сразу почувствовал что-то неладное.

Не Божья это была повадка. Вот с утра они звонили Лизветину сыну, а уже к вечеру пришло сообщение, что хозяин дает деньги и Зинаида с ребенком должна выехать в Москву для оформления документов и получения средств.

Народ ликовал, и только у священника на душе было сумрачно и тревожно. Что-то нехорошее ему чудилось в таком лихом развитии событий. Но времени на обдумывание не было.

Лидочка таяла на глазах, и действовать нужно было незамедлительно. Зинаида, узнав, что ей предстоит собираться в дальний путь, затосковала окончательно.

Видимо, не было у нее больше сил ни на радость от полученного известия, ни уж тем более на такие дальние путешествия.

Только услышав слово «Москва», она натянула на голову одеяло и, отвернувшись лицом к печи, затихла.

И тогда отец Михаил решил сам отправиться в путь. Собрав документы и получив от Зинаиды доверенность, заверенную в местной администрации, он помолился Богу и поехал с Лидочкой в столицу.

Все было как-то неопределенно.

Лизветин сын дал указания, куда ехать, пообещал со стороны хозяйки всяческую поддержку, но в чем будет заключаться эта поддержка, никто не знал.

Не знал этого и сам Иван Тимофеевич, поскольку разговор с хозяйкой носил какой-то неопределенный характер. Она пригласила его в дом, внимательно выслушала, а может, ему только показалось, что внимательно, лицо-то у нее как маска, понять ничего нельзя.

Но номер мужа она набрала сразу и после короткого разговора произнесла:

– Пускай приезжают, деньги мы выделим. И, наверное, документы нужно оформить.

Ошалев от такого неожиданного успеха, Иван Тимофеевич не решился вдаваться в подробности, а сразу же помчался к телефону, чтобы сообщить радостную новость матери.

И только сообщив, задумался: а как же все это на деле-то будет? Вот приедут они в Москву. Где им жить, с больной девочкой? Кто документы оформлять будет? Ведь никто даже понятия не имеет про эту Германию. Как там найти эту больницу?

С теми же мыслями садился в самолет отец Михаил. Он чувствовал себя как человек, который вышел в открытое море на дырявой лодке, не умея плавать, да еще и ребенка с собой прихватил.

«Куда лечу? Зачем?» – в панике думал священник, совсем позабыв, что его воли в этом решении не было, что все сложилось само собой и другого выбора ему никто не предлагал.

В то время как садовник и священник терзались непреходящей тревогой, Изабелла пребывала в самом лучшем расположении духа.

Ей нравилось делать добрые дела, тем более когда это не требовало от нее никаких усилий.

Позвонив мужу и получив от него согласие на финансовую поддержку, она сразу забыла и о садовнике, и о больной девочке, но осталось в ее душе приятное послевкусие от совершенного благого дела.

Ей всегда хотелось заниматься благотворительностью, но было как-то недосуг. Она сидела в зимнем саду и ласкала любимца Гуяра.

Тот лежал на спине, широко раскинув в стороны все четыре лапы, и, громко урча, наслаждался тем, как нежная рука хозяйки поглаживает его бархатистое брюхо.

Изабелла делала это с самозабвением, как вдруг ее чувствительные пальцы нащупали на животе зверя что-то непривычное, некое уплотнение с правой стороны. В паху.

«Что это?» – испугалась Изабелла и принялась исследовать живот Гуяра внимательнее.

Кот выглядел вполне здоровым, и серьезных причин для беспокойства вроде бы не было, но настроение Изабеллы было безнадежно испорчено. Тревога красной ржавчиной осела на ее сердце.

Вечером к Гуяру был приглашен врач.

Изабелла пригласила его, чтобы избавиться от этого тревожного чувства. Она надеялась, что ветеринар лишь посмеется над ее мнительностью и она спокойно заснет.

Но ветеринар, обследуя живот Гуяра, сделал страшные глаза и перепугал Изабеллу окончательно.

– Кота нужно срочно отвезти в больницу, – заявил он, закончив осмотр. – Надо сделать анализы.

– Какие анализы? Что с ним? – прошептала Изабелла побелевшими губами.

– Пока никаких поводов для беспокойства нет, – сдал на тормозах ветеринар. Он испугался, что ему опять придется откачивать вместо кота хозяйку. – Но что-то конкретное я смогу сказать только после обследования.

Обследование закончилось в один день, и в результате его выяснилось ужасное.

У Гуяра обнаружили рак в такой стадии, что московские врачи от операции и лечения отказывались.

На Изабеллу было страшно смотреть.

– Лучше бы уж я заболела, лучше бы я! – рыдала она.

И никто не мог облегчить ее страданий.

Антон не отходил от супруги ни на шаг.

«Что за несчастная судьба, – думал он, – одно горе за другим».

Ему хотелось убежать, спрятаться, чтобы не попасть в магический круг этих несчастий.

У него была своя, восхитительная жизнь, и он боялся несчастий, как мнительные люди боятся инфекций. Боялся, но вахту возле супруги не сдавал. Существуют же какие-то важные вещи!

И в тот самый момент, когда Антон, умирая от жалости, стоял на коленях перед кроватью Изабеллы и клялся, заламывая руки, сделать все для спасения Гуяра, отец Михаил с Лидочкой вышли из здания аэропорта.

Он знал, знал заранее, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет, но, не понимая, что еще можно предпринять, продолжал двигаться по намеченному маршруту, веря, что Господь не оставит его.

На улице стоял страшный мороз. Какой-то ненормальный для средней полосы. Казалось, что даже воздух превратился в прозрачный лед.

Достав из сумки шерстяное одеяло, батюшка закутал в него Лидочку и встал перед входом в аэропорт, не понимая, как быть дальше.

В таком огромном кипучем городе он еще никогда не был.

И опять, как все в этом путешествии, решение из его рук выскользнуло, потому что к нему, осеня себя на ходу крестами, подошел солидный мужчина средних лет.

Солидность его состояла в том, что он был очень надежно одет, во все чистое, теплое, и взгляд священника, непривыкший видеть хорошо одетых людей, почему-то перенес это впечатление на личные качества незнакомца. Поэтому, когда мужчина предложил подвезти, батюшка, обрадовавшись такой удаче, бездумно уселся на заднее сиденье заграничного автомобиля.

Лидочка сразу уснула. Она была так безразлична к своей судьбе и окружающему ее миру, что любопытство, столь свойственное детям ее возраста, в этом измученном тяжелой болезнью ребенку никак не проявлялось.

Зато любопытству батюшки не было предела. Он без устали крутил головой, поражаясь тому, что люди сотворили из мира Божьего.

Конечно, он не раз видел по телевизору московские улицы, но это было совсем другое, нежели самому оказаться в самом сердце вертепа.

Картины за окном менялись с такой невероятной скоростью, что казалось: вот сейчас все промелькнет в одно мгновение, и жизнь закончится.

Было страшно и как-то по-нехорошему весело. Но все-таки больше страшно. На протяжении всей поездки водитель угрюмо молчал, и только время от времени батюшка встречался глазами с его напряженным взглядом в зеркале заднего вида.

Не прошло и получаса, как машина остановилась в маленьком проулке. Справа и слева ровными рядами тянулись гаражи, своим видом напоминавшие их деревенские сараи.

– Приехали, – заявил водитель.

– А где же дом-то? – поинтересовался батюшка.

– А дом там, за гаражами, – заверил водитель. – Я туда подъехать не могу. С тебя... – Водитель на мгновение задумался и назвал такую сумму, что у отца Михаила перехватило дыхание.

– Ты что, мил человек, – попытался протестовать он, – разве за полчаса такие деньги брать можно?

– Можно, нельзя! – возмутился водитель. – Сначала цену спрашивать надо, а потом садиться. Ты все-таки в Москву приехал, здесь все так.

От трубного голоса водителя Лидочка беспокойно заворочалась.

«Не буду препираться», – подумал батюшка, расплатился и вышел. А водитель вернулся за гаражи, припарковался у подъезда и пошел на девятый этаж рассказывать жене, как ловко он объегорил иногороднего попа.

Доехал из аэропорта до дома, а поп расплатился да еще тройную сумму дал.

Батюшка с поклажей и Лидочкой на руках долго шел вдоль гаражей и наконец выбрался на большую дорогу.

Здесь в бешеном вихре мелькали прохожие и автомобили. Достав из сумки записку с адресом, отец Михаил выделил из толпы несущуюся прямо на него молодую женщину и открыл рот, чтобы спросить, как пройти к дому.

Но женщина неожиданно пронеслась сквозь него и так же неожиданно растворилась в пространстве.

Тогда батюшка обратился к мужчине, который стоял у фонаря и совсем по-деревенски лузгал семечки.

Мужчина взял из рук священника записку, долго, с удивлением рассматривал ученический почерк Лизаветы, которым она записала адрес, и безмолвно вернул записку обратно.

– Так вы не знаете, как мне по этому адресу пройти? – поинтересовался батюшка.

– Тоже, нашел, у кого спрашивать! – послышался сердитый женский голос откуда-то сзади.

Батюшка оглянулся и увидел размалеванную физиономию в завитых кудрях.

– Чурка, он же по-русски ни бум-бум... – Для убедительности женщина постучала по кудрям кулаком и тут же, перепрыгнув через священника, вскочила в автобус и уехала.

Отца Михаила охватило отчаяние. Силы его были на исходе.

Лидочка хоть и была легкой, как пух, но все же руки гудели, и в ногах появилась необоримая слабость. Наконец на обочине остановилось такси.

«Спрошу у таксиста, – подумал отец Михаил. – Они всё знают».

Таксист взял записку, надел на нос очки и, бросив короткий взгляд на адрес, произнес с сильным кавказским акцентом:

– Садись, довезу.

– Да нас уж довезли! – испугался батюшка. – Здесь должно быть недалеко.

– А кто ж говорит, что далеко, – улынулся таксист. – Недалеко, километров тридцать будет.

– Сколько? – Ноги у отца Михаила подкосились.

Увидав такое дело, водитель перестал улыбаться и вышел из машины. Он оказался мужчиной невероятной толщины с мягким, как у женщины, лицом.

– Ну что, развели тебя, отец святой! В Москве поосторожнее надо. Здесь ворья знаешь сколько! Ладно, садись.

Он открыл багажник и взялся за сумку. Но отец Михаил был теперь уже стреляный воробей!

Придерживая Лидочку одной рукой, он изловчился и схватил водителя за руку.

– Стой!

Водитель с удивлением поднял брови.

– А сколько стоить будет?

Водитель посмотрел на священника теплым южным взглядом и с сочувствием произнес:

– Садись, бесплатно довезу. Что мы, не люди, что ли! У меня все равно там заказ, за городом.

И тут отец Михаил вспомнил, что дом-то действительно должен быть за городом, а этот жулик его в Москву привез.

Всю дорогу священник горестно рассказывал водителю о своих злоключениях, а тот слушал и качал головой.

– Что же ты делать будешь, люди... – сделал он немногословное заключение в конце пути и добавил: – Ты, когда к этим богачам пойдешь, ребенка с собой не таскай, пусть в машине поспит, а я тебя подожду, вдруг чего не так, обратно придется ехать.

Сказал водитель – обратно ехать, и как в воду глядел.

Иван Тимофеевич вот уже два дня не находил себе места.

Весть о заболевании кота распространилась среди обслуживающего персонала мгновенно, и все тут же встали на цыпочки и заговорили шепотом, как это принято в доме умирающего.

Иван Тимофеевич понимал, что в такой обстановке подойти к хозяйке со своими проблемами невозможно.

Здесь бы выждать, пока все утрясется, но мать сказала, что священник с девочкой уже вылетели в Москву и будут с минуты на минуту.

Предупредив охранников, что к нему должны приехать, Иван Тимофеевич сел в своем флигеле у окна в надежде увидеть хозяина и спросить у него, как быть.

Ждать ему пришлось долго.

Через пару часов Антон вышел из дома и, прикрыв за собой дверь, провел ладонью по лицу.

Издали казалось, что он плачет. Затем он застегнул пальто и направился по дорожке к машине.

Видимо, собирался уезжать. Недолго думая, Иван Тимофеевич выскочил из своего убежища и зашел наперерез хозяину.

Увидав бегущего садовника, Антон остановился и вопросительно поднял брови, как если бы хотел спросить: «В чем дело?»

– Антон Петрович, – торопливо заговорил садовник, подойдя поближе. Он торопился, потому что понимал, что в любой момент его могут прервать, не дослушав. – Антон Петрович, здесь священник из моей деревни едет.

– Зачем священник? – удивился Антон. – Мы кота не крестили.

– При чем здесь кот? – произнес Иван Тимофеевич с плохо скрываемым упреком в голосе.

И этот упрек от человека, стоящего бесконечно ниже его на социальной лестнице, заставил Антона сосредоточиться.

– Так в чем дело? Зачем тогда священник?

– Да это я по тому делу, – начал объяснение садовник, чувствуя, как от волнения предательски мерцает его голос.

– По какому делу? – В голосе Антона слышалось напряженное недовольство.

– Ну, помните, пару дней назад Изабелла Федоровна с вами говорила насчет больной девочки?

– Какой девочки?

– Больной, которой операция нужна, в Германии. И вы пообещали дать, ну эти, как их... – Иван Тимофеевич не хотел произносить слово деньги, ему казалось это неуместным, и поэтому он судорожно искал замену. – Ну, эти, средства, – наконец вспомнил он.

Антон посмотрел на садовника потемневшим взором и сдвинул брови.

– И вы считаете это возможным?

– Что? – не понял садовник.

– Вы считаете возможным сейчас, когда в доме горе, обращаться ко мне с подобными просьбами? – Антон повысил голос. – Какая наглость, какая бестактность! Изабелла Федоровна в тяжелом состоянии, я ночей не сплю, а он деньги просит!

– Так я же не для себя! – окончательно оробел Иван Тимофеевич. – Там ребенок умирает!

Но Антон не желал этого слышать. Он оттолкнул с дороги Ивана Тимофеевича и пошел своим путем.

Но тут с садовником случилось что-то невероятное. Робкий человек, непривычный к протесту, он вдруг почувствовал в себе такое негодование, что сердце его чуть не разлетелось вдребезги.

Не понимая, что делает, он помчался за хозяином и нагнал его, когда тот уже собирался садиться в машину.

Оттолкнув водителя, который почтенно придерживал дверь автомобиля, Иван Федорович рванул хозяина за руку с такой силой, что тот мгновенно обернулся.

Теперь в глазах Антона вместо презрительного негодования читалось выражение испуга.

– Вы человек или нет? – закричал садовник не своим голосом. – Вам говорят, ребенка привезли, по вашему обещанию. Девочка умрет, если вы ей не поможете, а вы здесь по коту траур справляете! Стыд вы потеряли, вот что!

Антон в ужасе смотрел на разбушевавшегося подчиненного, и смысл его слов доходил до него плохо.

Он думал о том, что жизнь его в опасности, потому что садовник, как клещами, сжимал его руку, и он чувствовал, что этот дикарь при желании может раздавить его, как козявку.

Вся эта безобразная сцена длилась не больше минуты, потому что подросла охрана и оттащила взбесившегося садовника в сторону. Антон с возмущением поправил на себе пальто и, бросив через плечо начальнику охраны:

– Чтобы к моему возвращению его здесь не было, – уселся в машину и уехал.

Когда машина выезжала из ворот, водитель заметил на другой стороне улицы батюшку.

Он как-то обреченно смотрел на дом и не двигался с места. Антон пока не заметил.

– Ты чего, Тимофеич, с ума сошел? – вразумляли коллегу охранники. – Они ж тебя с такими характеристиками выгонят, с голоду помрешь.

– Ну и пусть! – угрюмо отвечал Иван Тимофеевич. – Я в этом доме поганом все равно больше ни минуты не останусь. С жиру они бесятся! Людей вокруг себя не замечают.

С этими словами он двинулся во флигель собирать вещи, и тут начальник охраны пришел сообщить, что к нему визит – батюшка ожидает.

Иван Тимофеевич, не зная, как смотреть священнику в глаза, поплелся в домик охраны. Отец Михаил сидел на стуле и смотрел на садовника ласковым взглядом.

– Зря ты скандал устроил, – произнес он вместо приветствия, и Иван Тимофеевич с облегчением понял, что охранники уже все рассказали. – Не зря же сказано, – продолжал батюшка, – скорее верблюд войдет в игольное ушко, чем богатый в царствие небесное! Видно, не судьба этой девочке пожить на этом свете.

– А где же девочка? – удивился садовник.

– А она в такси спит, таксист хороший мужик попался, бесплатно нас катает.

– Ты это... – Садовник со смущением полез в карман брюк и достал внушительных размеров конверт. – Вот, возьми... – Он положил деньги на стол перед священником. – Я восемь лет копил, думал, на какое-то дело, а какое ж дело может быть важнее жизни ребенка.

– Спасибо... – Священник положил руку на конверт, тем самым давая понять, что деньги принял.

– Ну что ж. – Отец Михаил встал. – Пойду я тогда, в обратный путь нужно пускаться.

Он откланялся и двинулся было к двери, когда садовник закричал:

– Стой! Я с вами пойду.

– Да подожди ты суетиться, – попытался остановить его начальник охраны. – Тебе собраться надо, расчет получить.

– А я уже собрался, – весело выкрикнул садовник, – а деньги я у них не возьму, пускай подавятся!

И все увидели, что в Иване Тимофеевиче что-то изменилось. Он выглядел как человек, которого из тюрьмы отпускают на свободу, в то время как остальные должны отбывать наказание дальше.

И эти остальные смотрели на него с затаенной завистью.

Весело сверкая глазами, Иван Тимофеевич попросил батюшку немного обождать и рысью помчался к оранжерее.

Эта оранжерея была его детищем и единственным утешением в постылой жизни. Он болел душой за каждый цветочек, за каждое растение как за собственных детей.

Растения были все дорогие, привезенные с разных концов света.

Иван Тимофеевич ворвался в оранжерею и остановился посередине, не понимая, зачем он сюда пришел. Привычный влажный запах растений на мгновение лишил его решимости.

«Может, остаться, – подумал он, – вымолить у хозяина прощение. Он простит, потому что другому садовнику с его хозяйством не справиться... – Но тут же, припомнив высокомерный тон и презрительный взгляд Антона, садовник опять пришел в бешенство. – Так не

цвести же вам для этих иродов!» – воскликнул он, и звук его голоса эхом размножился в стеклянных покатых стенах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.